

Распятие от Иуды

Богдан Сушинський

Из объяснений, полученных им в штабе, лейтенант Громов знал, что дот командира батальона майора Шелуденко находится во второй полосе укрепрайона, и искать его следует в полутора километрах от села Подольская Каменица. Однако сейчас, после стычки с германскими десантниками, эти объяснения уже мало помогали. Отправляясь в путь, он полностью полагался на водителя мотоцикла, и теперь отчаянно шел напрямик, каменистыми отрогами небольшой возвышенности, смутно представляя себе, в каком именно направлении он должен двигаться, и беззаботно радуясь осознанию того, что сумел в этой стычке выжить.

Вывавшееся из-за холмистой гряды звено германских самолетов прошло так низко, что на какое-то мгновение лейтенанту показалось, будто вся тройка штурмовиков пикирует на него. Но устало бредший по склону долины одинокий солдат совершенно не привлекал внимания пилотов. Натужно содрогая моторами воздух и землю, они провели свои могучие машины между скалистыми холмами на ту сторону низины, и исчезли в поднебесной дымке. А как только гул их моторов растворился в заоблачной дали, с запада, из-за Днестра, стало доноситься нечто похожее на размытые расстоянием раскаты грома.

Однако лейтенанту, лишь сегодня назначенному комендантом одного из дотов Могилевско-Ямпольского укрепрайона, не нужно было выяснять, что это на самом деле: раскаты грома или залпы орудий? И чьих именно орудий – тоже не имело значения. Важно, что раскаты эти стали раздаваться значительно ближе, нежели они слышны были сегодняшним утром.

Пройдя по кремнистому склону еще с полкилометра, Громов за изгибом гряды вдруг увидел старую полузаброшенную каменоломню, посреди которой, под каменистым карнизом выступа, притаились домик смотрителя карьера и длинное строение чего-то, похожего то ли на мастерскую, то ли на склад. Лейтенант сразу же понял, что каменоломня находится на окраине села, поскольку в проломе оголенного каменистого хребта отчетливо просматривались дымоходы крестьянских хат. Ему не верилось, что война может дотянуться и до этого укромного уголка, поэтому сразу же почувствовал себя успокоенным и защищенным.

Еще издали Громов увидел выставленные у стены мастерской огромные каменные кресты, надгробные плиты и погребальные стелы, и понял, что в этом ущелье, сотворенном не столько природой, сколько многими поколениями камнетесов, как бы сходятся, на полпути к подземному царству, два мира – живых и мертвых.

Тропа пролежала мимо каменоломни, однако Громову захотелось заглянуть в этот уголок, соприкоснуться с тем мрачным видом искусства, в тлении которого зарождались все эти фигурные, с вычурной резьбой, кресты, стелы и надгробные камни. Это был мир, с которым он никогда раньше не соприкасался и который всегда

таил в себе некую, почти внеземную, тайну.

Но как только он свернул с обходной тропы на ту, что вела вглубь каньона, прозвучал выстрел, и, ударив о скальный выступ буквально у локтя лейтенанта, пуля рикошетом пронеслась у самого его затылка.

Громов мгновенно присел, но следующая пуля вонзилась в тропу чуть выше того места, где он затаился.

"Стрелок хренов, – хватило у лейтенанта мужества оценить меткость стрельбы того, кто хладнокровно расстреливал его, засев в мастерской, и решил, что рисковать все же нельзя. Поняв, что при подъеме наверх он вновь предстанет перед стрелком, как на ладони, Громов метнулся по тропе вниз, к двум валунам, между которыми зеленел куст шиповника, и успел заметить, что третья пуля проредила этот куст за мгновение до того, как он успел достичь ближайшего валуна.

Больше выстрелов не последовало, зато Громов увидел по ту сторону мастерской три мужские фигуры. Один из убежавших – приземистый, черноволосый мужик в плаще, полы которого, казалось, волочились по земле, был вооружен винтовкой. Остановившись, он вскинул оружие, однако выстрела не последовало. По тому, как он нервно дергал затвор, Громов определил, что у него заклинило патрон. Единственным укрытием лейтенанта могла стать подвода-одноконка, однако до нее еще нужно было добежать. Воспользовавшись заминкой, комендант большими прыжками понесся в сторону мастерской, под защиту ее стены. И, лишь на мгновение остановившись, длинной густой очередью из шмайсера скосил стрелка. Оба его сообщника все это время поднимались по тропе, и вскоре достигли вершины перевала, за которым оставались недостижимыми. О том, чтобы преследовать их, тоже не могло быть и речи.

– Эй, вы! – закричал Громов изо всей мощи своих легких. – Вы почему стреляли в меня?!

И был удивлен, когда увидел, что один из убежавших остановился у наклоненного над крутым склоном каньона ствола сосны. Очевидно, у него уже не было сил и дальше бежать, и то, что красноармеец не стрелял, а спрашивал, позволяло ему хоть немного перевести дух.

– Чтобы убить! – по-русски, причем достаточно нагло, ответил он, прислонившись к стволу.

– Тогда, кто вы такие?!

– Мы – те, кто всегда ненавидел красных. И кто будет вешать вас, жидо-коммунистов и масонов, за каждого загнанного вами в сибирские концлагеря русского человека. Пусть только войдут сюда немцы!

– Вон как?! – искренне удивился Громов. – Оказывается, здесь, в тылу, уже готовятся ко встрече германцев! А я-то думал, что все, как один... На борьбу за Отечество.

– Не смей рассуждать об Отечестве! – огрызнулся беглец. – Вы это Отечество давно предали и продали жидо-большевикам. Об одном жалею: мало мы вас тогда, в гражданскую!..

Убедившись, что беглец не вооружен, Громов подступил еще на несколько шагов, стараясь приблизиться к склону. Белогвардеец – очевидно, из бывших офицеров – тоже видел, как Громов демонстративно закинул автомат за плечо, а посему, из ненависти к этому, невесть откуда появившемуся, красноармейскому командиру, уходить не стал.

– И много вас здесь таких? – спросил его лейтенант.

– Подожди полчаса, и увидишь еще человек десять. А завтра появится целый отряд.

Поняв, что он случайно оказался на месте сбора белогвардейского подполья Подольска и окрестных деревень, Громов не стал испытывать судьбу и решил удалиться. Задержал его голос бегльца: низкий, сипловатый, принадлежащий человеку, которому, конечно же, было далеко за пятьдесят.

– Прежде чем уходить, заверни все же в мастерскую, коммунист! Там одна стерва, которая когда-то следователем НКВД была и многих из нас отправляла под расстрел. Теперь в деревне решила спрятаться, потому что даже своих же, энкаведистов, боялась.

Толкнув ногой приоткрытую дверь, Громов осторожно, опасаясь засады, заглянул внутрь. Прямо напротив двери, при проникающем из двух больших окон свете, Андрей увидел буквально растерзанное, окровавленное тело той самой чекистки, о которой только что сообщил ему белогвардеец. Она была распята на большом каменном кресте, нижняя часть которого покоилась на огромной гранитной плите, служившей мастеру-камнетесу станком, а верхняя – полого опускалась на пол.

На женщине все еще оставались остатки изорванного, окровавленного платья, а ноги ее были широко расставлены и привязаны к концам крестовины. Даже запах крови не мог перебить запаха сексуальной похоти, который эта несчастная женщина сейчас источала. Привязав чекистку к кресту, все трое насиловали ее прямо на распятии, а затем, очевидно, заметив приближающегося солдата и решив, что он не один, искромсали ножами.

Пытаясь выяснить, жива ли она, Громов склонился над ее лицом. Женщина пришла в себя и четко, хотя и едва слышно, произнесла:

– Двести десять.

– Что... "двести десять"? – не понял Громов. Женщине тоже было под пятьдесят, у нее оказались короткие, крашенные, с седыми корнями, волосы, а черты лица все еще сохраняли следы некоего аристократизма.

– В лагеря отправила... двести десять, – с трудом ответила она на тот вопрос, ответ на который добивались от нее насильники. Уже не понимая, кто именно над ней склонился, чекистка решила исповедаться перед ним этой страшной цифрой – "двести десять". А, немного передохнув, объяснила: – В лагеря, без права...

"Без права переписки, – понял Громов, – то есть на расстрел". О том, что значило "без права переписки" в приговорах коммунистических "троек", Андрей узнал от отца, который и сам в течение нескольких лет ждал, что его вот-вот арестуют, как арестовали тысячи других генералов и офицеров Красной Армии.

Коммунистка хотела сказать еще что-то, но не смогла. Тем не менее, лейтенант

увидел, как на лице ее, уже переплавляясь в посмертную маску, вырисовывалась садистская ухмылка следователя-иезуитки. И осознал, что не ощущает никакого сочувствия к этой женщине, а, поняв это, даже не стал снимать ее с распятия.

Выйдя из мастерской, Громов лишь мельком взглянул на вершину склона и, отвязав от коновязи бричку-одноконку, погнал ее к выезду из каньона, стараясь как можно скорее выбраться из этого странного и страшного, осененного безбожническим крестом и столь же безбожным распятием, полубезумевшего мира.